

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ

С КРАТКОЙ БИОГРАФИЕЙ ПОЭТА

Я помню чудное мгновенье

Александр Сергеевич Пушкин, Елизавета Постаниди

Аннотация
Александр Пушкин. Я помню чудное мгновенье
Краткая биография
  Ранние годы
  Образование и первые шаги в творчестве
  Южные ссылки и расцвет таланта
  Возвращение в Петербург и зрелость
  Последние годы и гибель
  Интересные факты
Произведения разных лет
  К другу стихотворцу
  Рассудок и любовь
  Красавице, которая нюхала табак
  Опытность
  Блаженство
  К Наташе
  Воспоминания в Царском Селе
  «Я вас любил: любовь еще, быть может...»
  К Ней
  Осеннее Утро
  «Любовь одна...»

Желание
Друзьям
Пробуждение
К Каверину
К Дельвигу
В альбом Пущину
Кюхельбекеру
В альбом
Товарищам
«Простите, верные дубравы!..»
К ***
Выздоровление
Жуковскому
«Как сладостно!.. но, боги, как опасно…»
Вольность
К Чедаеву (к Чаадаеву)
Деревня
Лиле
Мадригал М....ой
«Я видел Азии бесплодные пределы…»
К ***
«Мне вас не жаль, года весны моей…»
«Погасло днéвное светило…»
«Редеет облаков летучая гряда…»
Муза
Катенину

«Кто видел край, где роскошью природы…»
Вот муза, резвая болтунья
«В твою светлицу, друг мой нежный…»
Песнь о вещем Олеге
«Люблю ваш сумрак неизвестный…»
«На тихих берегах Москвы…»
Иностранке
Узник
Царское село
Ночь
«Простишь ли мне ревнивые мечты…»
«Все кончено: меж нами связи нет…»
К морю
Виноград
Фонтану Бахчисарайского дворца
Сожженное письмо
«Храни меня, мой талисман…»
«Если жизнь тебя обманет…»
Дружба
«Под небом голубым страны…»
Признание
Пророк
Няне
«Как счастлив я, когда могу покинуть…»
И. И. Пущину
Зимняя дорога

«Во глубине сибирских руд…»
«Есть роза дивная: она…»
«Весна, весна, пора любви…»
Поэт
19 октября 1827
Талисман
Ты и вы
«26 мая 1828…»
Ее глаза
«Не пой, красавица, при мне…»
Предчувствие
Анчар
Цветок
2 ноября
Зимнее утро
«Поедем, я готов; куда бы вы, друзья…»
«Когда в объятия мои…»
Поэту
Прощание
«Чем чаще празднует лицей…»
Красавица
К ***
«В поле чистом серебрится…»
«Когда б не смутное влеченье…»
Туча
«…Вновь я посетил…»

«Я думал, сердце позабыло…»
«Exegi monumentum…»
«Была пора: наш праздник молодой…»
«О нет, мне жизнь не надоела…»
«Там на брегу…»
«О сколько нам открытий чудных…»
«Воды глубокие…»
«Унылая пора! Очей очарованье!..»
«Ох, лето красное! любил бы я тебя…»
Мое завещание друзьям
Отрывки из «Евгения Онегина»

Аннотация

Стихотворения Александра Сергеевича Пушкина восхищают читателей своей глубиной, искренностью и безупречной формой. В этом сборнике представлены лучшие произведения мастера, среди которых любовные послания, дружеские обращения, философские размышления и нежные воспоминания о родных местах. Читатель погрузится в мир гармонии и красоты, созданный гениальным поэтом.

Александр Пушкин
Я помню чудное мгновенье

Серия «Лучшая поэзия с краткой биографией поэта»

А. Пушкин. Автопортрет

Составление *Елизаветы Постаниди*

В оформлении переплёта использована картина Эдмунда Блэйр-Лейтона «Да или нет» (1890, Частная коллекция)

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Краткая биография

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН
(1799–1837)

Великий русский поэт, прозаик и драматург, автор бессмертных произведений в стихах и прозе.

Ранние годы

Александр Пушкин родился 6 июня 1799 года в Москве в дворянской семье. Прадед поэта по материнской линии, Абрам Ганнибал, служил Петру I.

Воспитание будущего классика взяла на себя бабушка, пригласившая няню Арину Родионовну, которую поэт будет вспоминать всю свою жизнь и посвятит не мало литературных произведений.

А. Пушкин. Вид на Лицей и церковный флигель Екатерининского дворца

Образование и первые шаги в творчестве

Получив образование в престижном Царскосельском Лицее, молодой Пушкин дебютирует в литературе в 1814 году, публикуя стихотворение «К другу-стихотворцу». Уже тогда проявились его талант и тяга к поэзии. Особое влияние на формирование стиля Пушкина оказали русские писатели XVIII века — Василий Жуковский, Денис Фонвизин, Николай Карамзин и зарубежные авторы Вольтер и Эварист Парни. Вскоре его приняли в знаменитое литературное сообщество «Арзамас».

Южные ссылки и расцвет таланта

После окончания лицея в 1817 году Пушкина ожидали трудности. Произведения политического содержания («Вольность», «К Чаадаеву»), выражавшие свободолюбивые взгляды, привели к недовольству власти. В мае 1820 года император Александр I отправляет поэта в южную ссылку, формально прикрываясь служебным перемещением.

Именно здесь началась новая страница в творческой судьбе Пушкина. Юг России стал источником вдохновения для целого ряда выдающихся произведений. Пушкин познакомился с историей Кавказа, вдохновился природой Крыма и Молдавии, начал изучать историю южных народов и читать труды зарубежных писателей.

Вольность
Ода.

Пѣси, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, среди царей
Свободы гордая Пѣвица —
Приди, горви съ мной вѣнокъ,
Раздѣй изнѣженную миру —
Хочу воспѣть Свободу миру
На тронахъ поразить порокъ

Открой мнѣ благородной мѣсто
Того возвышеннаго Галла
Кому сама средь славныхъ бѣдъ
Ты лишь нитѣвая свидѣтельница.
Питомцы вѣтреной Судьбы,
Тираны міра! тротицы!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Возстаньте, падшія рабы!

Увы! куда на брошу взоръ
Вездѣ бѣги, вездѣ желѣзы,
Заковъ гибельной позоръ
Неволи немощныя слезы,
Вездѣ неправедная власть
Въ изущенной мнѣ предразсудкой
Воздѣла — Рабства грозный Геній
И Славы роковая страсть.

Черновой автограф оды «Вольность»

Основные события периода южной ссылки:

• 1820: Завершение первой крупной поэмы «Руслан и Людмила», опубликованной годом позже.

• 1821: Создание знаменитой поэмы «Кавказский пленник», ставшей визитной карточкой Пушкина и символом русского романтизма.

• 1823: Начало работы над романом в стихах «Евгений Онегин», продолжавшегося вплоть до 1832 года.

Южная ссылка стала важнейшим этапом формирования пушкинского мировоззрения и способствовала утверждению его как одной из ключевых фигур русской литературы XIX века.

Возвращение в Петербург и зрелость

Вернувшись в столицу, Пушкин продолжал активную творческую карьеру, создавая романы, исторические очерки и рассказы. Среди них — роман «Евгений Онегин», историческое исследование «История Пугачева» и повесть «Пиковая дама». Брак с красавицей Натальей Гончаровой в 1831 году привнес семейное счастье, но финансовая нестабильность продолжала преследовать поэта.

Последние годы и гибель

В январе 1837 года Пушкин погиб от полученного на дуэли с французским офицером Жоржем Дантесом ранения. Император Николай I обещал поддерживать жену и детей покойного.

Жизнь великого русского поэта закончилась трагически, оставив значительное наследие, оказывающее влияние на российскую литературу и культурное сознание будущих поколений.

Интересные факты

• У поэта был талисман — золотой перстень с сердоликом, с которым он практически не расставался. Пушкин даже посвятил ему несколько стихотворений. Однако по какой-то причине поэт не надел талисман в день роковой дуэли с Дантесом. В результате Пушкин получил смертельную рану, а кольцо передал на смертном одре своему другу — писателю Василию Жуковскому.

• Александр Пушкин настолько страстно увлекался книгами, что собрал в домашней библиотеке более 3500 экземпляров.

• Пушкин по своей натуре был человеком саркастичным. Его шутки нередко приводили к дуэлям. Поэт участвовал в двух десятках дуэлей. В большинстве поединков друзьям Александра Сергеевича удавалось примирить дуэлянтов. Первая дуэль произошла, когда Пушкин был еще лицеистом.

Произведения разных лет

К другу стихотворцу

Арист! и ты в толпе служителей
Парнаса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешишь опасною стезей
И с строгой критикой
вступаешь смело в бой!

Арист, поверь ты мне, оставь перо,
чернилы,
Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
В холодных песенках любовью
не пылай;
Чтоб не слететь с горы,
скорее вниз ступай!
Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают —
и целый свет забудет.
Быть может, и теперь, от шума удалясь

И с глупой музою навек соединясь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды
Сокрыт другой отец второй
«Телемахиды».
Страшися участи бессмысленных
певцов,
Нас убивающих громадою стихов!
Потомков поздных дань поэтам
справедлива;
На Пинде лавры есть, но есть там
и крапива.
Страшись бесславия! —
Что, если Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презреньем покачав
кудрявой головою,
Твой гений наградит —
спасительной лозою?
Но что? ты хмуришься
и отвечать готов;
«Пожалуй, – скажешь мне, —
не трать излишних слов;

Когда на что решусь,
уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал,
я лиру избираю.
Пусть судит обо мне, как хочет,
целый свет,
Сердись, кричи, бранись, —
а я таки поэт».

Арист, не тот поэт, кто рифмы
плесть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштеину французов
побеждать.
Меж тем как Дмитриев, Державин,
Ломоносов,
Певцы бессмертные, и честь
и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат
нас,
Сколь много гибнет книг,
на свет едва родясь!

Творенья громкие Рифматова, Графова
С тяжелым Бибрусом гниют
у Глазунова;
Никто не вспомнит их, не станет
вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать.

Положим, что, на Пинд
взобравшися счастливо,
Поэтом можешь ты назваться
справедливо:
Все с удовольствием
тогда тебя прочтут.
Но мнишь ли, что к тебе рекой
уже текут
За то, что ты поэт,
несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп
государства,
В железных сундуках
червонцы хоронишь
И, лежа на боку, покойно ешь и спишь?
Не так, любезный друг,

писатели богаты;
Судьбой им не даны
ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы,
великолепны залы.
Поэтов – хвалят все, питают —
лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камоэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке
безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь – ряд горестей, гремяща
слава – сон.

Ты, кажется, теперь задумался
немного.
«Да что же, – говоришь, —
судя о всех так строго,
Перебирая все, как новый Ювенал,

Ты о поэзии со мною толковал;
А сам, поссорившись
с парнасскими сестрами,
Мне проповедовать пришел
сюда стихами?
Что сделалось с тобой?
В уме ли ты, иль нет?»
Арист, без дальных слов,
вот мой тебе ответ:

В деревне, помнится,
с мирянами простыми,
Священник пожилой
и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести,
довольстве жил
И первым мудрецом
у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер,
он шел немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, —

сказали простяки, —
Настави грешных нас —
ты пить ведь запрещаешь,
Быть трезвым всякому
всегда повелеваешь,
И верим мы тебе;
да что ж сегодня сам...»
«Послушайте, —
сказал священник мужикам, —
Как в церкви вас учу,
так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне —
не подражайте».

И мне то самое пришлося отвечать;
Я не хочу себя нимало оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам
не чувствуя охоты,
Проводит тихий век без горя,
без заботы,
Своими одами журналы не тягчит
И над экспромтами недели не сидит!
Не любит он гулять

по высотам Парнаса,
Не ищет чистых муз,
ни пылкого Пегаса;
Его с пером в руке Рамаков не страшит;
Спокоен, весел он. Арист,
он – не пиит.

Но полно рассуждать —
боюсь тебе наскучить
И сатирическим пером тебя замучить.
Теперь, любезный друг,
я дал тебе совет,
Оставишь ли свирель,
умолкнешь или нет?..
Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным – хорошо,
спокойным – лучше вдвое.

Рассудок и любовь

Младой Дафнис, гоняясь за Доридой,
«Постой, – кричал, —
прелестная! постой,
Скажи: „Люблю“– и бегать за тобой
Не стану я – клянуся в том Кипридой!»
«Молчи, молчи!» – Рассудок говорил.
А плут Эрот: «Скажи: ты сердцу мил!»

«Ты сердцу мил!» —
пастушка повторила,
И их сердца огнем любви зажглись,
И пал к ногам красавицы Дафнис,
И страстный взор Дорида потупила.
«Беги, беги!» – Рассудок ей твердил,
А плут Эрот: «Останься!» – говорил.

Осталася – и трепетной рукою
Взял руку ей счастливый пастушок.
«Взгляни, – сказал, —
с подругой голубок

Там обнялись под тенью лип густою!»
«Беги! беги!» – Рассудок повторил,
«Учись от них!» – Эрот ей говорил.

И нежная улыбка пробежала
Красавицы на пламенных устах,
И вот она с томлением в глазах
К любезному в объятия упала…
«Будь счастлива!» —
Эрот ей прошептал.
Рассудок что ж? Рассудок уж молчал.

Красавице, которая нюхала табак

Возможно ль? вместо роз,
Амуром насажденных,
Тюльпанов, гордо наклоненных,
Душистых ландышей, ясминов
и лилей,
Которых ты всегда любила
И прежде всякий день носила
На мраморной груди твоей, —
Возможно ль, милая Климена,
Какая странная во вкусе перемена!..
Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредную траву зелену,
Искусством превращенну
В пушистый порошок!
Пускай уже седой
профессор Геттингена,
На старой кафедре согнувшися дугой,
Вперив в латинщину глубокий

разум свой,
Раскашлявшись, табак толченый
Пихает в длинный нос
иссохшею рукой;
Пускай младой драгун усатый
Поутру, сидя у окна,
С остатком утреннего сна,
Из трубки пенковой дым
гонит сероватый;
Пускай красавица шестидесяти лет,
У граций в отпуску и у любви
в отставке,
Которой держится вся прелесть
на подставке,
Которой без морщин
на теле места нет,
Злословит, молится, зевает
И с верным табаком
печали забывает, —
А ты, прелестная!.. но если уж табак
Так нравится тебе —
о пыл воображенья! —

Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточенье,
Я в персты нежные твои
попасться мог,
Тогда б я в сладком восхищенье
Рассыпался на грудь
под шелковый платок
И даже… может быть…
Но что! мечта пустая.
Не будет этого никак.
Судьба завистливая, злая!
Ах, отчего я не табак!..

Опытность

Кто с минуту переможет
Хладным разумом любовь,
Бремя тягостных оков
Ей на крылья не возложит.
Пусть не смейся, не резвись,
С строгой мудростью дружись;
Но с рассудком вновь заспоришь,
Хоть не рад, но дверь отворишь,
Как проказливый Эрот
Постучится у ворот.

Испытал я сам собою
Истину сих правых слов.
«Добрый путь! прости, любовь!
За богинею слепою,
Не за Хлоей, полечу,
Счастье, счастье ухвачу!»—
Мнил я в гордости безумной.
Вдруг услышал хохот шумный,
Оглянулся… и Эрот

Постучался у ворот.

Нет! мне, видно, не придется
С богом сим в размолвке жить,
И покамест жизни нить
Старой Паркой там прядется,
Пусть владеет мною он!
Веселиться – мой закон.
Смерть откроет гроб ужасный,
Потемнеют взоры ясны,
И не стукнется Эрот
У могильных уж ворот!

Блаженство

В роще сумрачной, тенистой,
Где, журча в траве душистой,
Светлый бродит ручеек,
Ночью на простой свирели
Пел влюбленный пастушок;
Томный гул унылы трели
Повторял в глуши долин...

Вдруг из глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Резвых Фавнов господин,
Выбежал Эрмиев сын.
Розами рога обвиты,
Плющ на черных волосах,
Козий мех, вином налитый,
У Сатира на плечах.
Бог лесов, в дугу склонившись
Над искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушал песенки ночной,

В лад качая головой. —

«Дни, протекшие в веселье!
(Пел в тоске пастух младой)
Отчего, явясь мечтой,
Вы, как тень, от глаз исчезли
И покрылись вечной тьмой?

Ах! когда во мраке нощи,
При таинственной луне,
В темну сень прохладной рощи,
Сладко спящей в тишине,
Медленно, рука с рукою,
С нежной Хлоей приходил,
Кто сравниться мог со мною?
Хлое был тогда я мил!

А теперь мне жизнь – могила,
Белый свет душе постыл,
Грустен лес, поток уныл…
Хлоя – другу изменила!…
Я для милой… уж не мил!…»
Звук исчез свирели тихой;
Смолк певец – и тишина

Воцарилась в роще дикой;
Слышно, плещет лишь волна,
И колышет повиликой
Тихо-веющий зефир…
Древ оставя сень густую,
Вдруг является Сатир.
Чашу дружбы круговую
Пенистым сребря вином,
Рек с осклабленным лицом:
«Ты уныл, ты сердцем мрачен;
Посмотри ж, как сок прозрачен
Блещет, осветясь луной!
Выпей чашу – и душой
Будешь так же чист и ясен.
Верь мне: – стон в бедах напрасен.
Лучше, лучше веселись,
В горе с Бахусом дружись!»
И пастух, взяв чашу в руки,
Скоро выпил все до дна.
О могущество вина!
Вдруг сокрылись скорби, муки,
Мрак душевный вмиг исчез!

Лишь фиял к устам поднес,
Все мгновенно переменилось,
Вся природа оживилась,
Счастлив юноша в мечтах!
Выпив чашу золотую,
Наливает он другую;
Пьет уж третью… но в глазах
Вид окрестный потемнился —
И несчастный… утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, Сатир, меня, —
Говорит пастух со вздохом, —
Как могу бороться с роком?
Как могу счастливым быть?
Я не в силах вечно пить».
«Слушай, юноша любезный,
Вот тебе совет полезный:
Миг блаженства век лови;
Помни дружбы наставленья:
Без вина здесь нет веселья,
Нет и счастья без любви;
Так поди ж теперь с похмелья

С Купидоном помирись;
Позабудь его обиды
И в объятиях Дориды
Снова счастьем насладись!»

К Наташе

Вянет, вянет лето красно;
Улетают ясны дни;
Стелется туман ненастный
Ночи в дремлющей тени;
Опустели злачны нивы,
Хладен ручеек игривый;
Лес кудрявый поседел;
Свод небесный побледнел.

Свет-Наташа! где ты ныне?
Что никто тебя не зрит?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца разделить?
Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым
Ранней – позднею порой
Не встречаюсь я с тобой.

Скоро, скоро холод зимный
Рощу, поле посетит;

Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит;
Не увижу я прелестной
И, как чижик в клетке тесной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

Воспоминания в Царском Селе

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили
дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий
в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший
на листах,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в сребристых облаках.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся
к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели

земные боги?
Не се ль Минервы росской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел
России мощный
На лоне мира и отрад?
Промчались навсегда
те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою
счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Воззрев вокруг себя,
со вздохом росс вещает:
«Исчезло все, великой нет!»
И, в думу углублен,
над злачными брегами
Сидит в безмолвии,

склоняя ветрам слух.
Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищенье дух.

Он видит: окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник.
Ширяяся крылами,
Над ним сидит орел младой.
И цепи тяжкие и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа
трикратно обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя,
кагульский брег, поносен!
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек,
о росски исполины,
В боях воспитанны средь

бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев
и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась,
дивился мир;
Державин и Петров героям
песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы военны;
Страдать – есть смертного удел.
Блеснул кровавый меч
в неукротимой длани
Коварством, дерзостью

венчанного царя;
Восстал вселенной бич —
и вскоре новой брани
Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит
во сне глубоком,
Дымится кровию земля;
И селы мирные, и грады
в мгле пылают,
И небо заревом оделося вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Идут – их силе нет препоны,
Все рушат, все свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны,
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят
непрестанно
Иль бродят по лесам

в безмолвии ночи…
Но клики раздались!..
идут в дали туманной! —
Звучат кольчуги и мечи!..

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят
на дерзновенных<,>
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок
час паденья!
Ты в каждом ратнике
узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть
в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря.

Ретивы кони бранью пышут,
Усеян ратниками дол,
За строем строй течет, все местью,
славой дышат,
Восторг во грудь их перешел.

Летят на грозный пир;
мечам добычи ищут,
И се – пылает брань;
на холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе
с мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.

Сразились. Русский – победитель!
И вспять бежит надменный галл;
Но сильного в боях
небесный вседержитель
Лучом последним увенчал,
Не здесь его сразил
воитель поседелый;
О бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству
и гордости пределы!
Увы! на башнях галл кремля!

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,

Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь
и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам
и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся
величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь русскому твой зрак
унылый страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Все пламень истребил.
Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепетала,

Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной,
летней нощи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях брега
и светлы рощи:
Все мертво, все молчит.

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая творца.
Взгляни: они бегут, озреться
не дерзают,
Их кровь не престает
в снегах реками течь;
Бегут – и в тьме ночной их глад
и смерть сретают,
А с тыла гонит русский меч.

О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы в могилы пали.

О страх! о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья
и Беллоны,
Презревший правды глас, и веру,
и закон,
В гордыне возмечтав мечом
низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон!

В Париже росс! —
где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу?
Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет
в отдаленье,
Москва в унынии, как степь
в полнощной мгле,
А он – несет врагу не гибель,
но спасенье
И благотворный мир земле.
О скальд России вдохновенный,

Воспевший ратных грозный строй,
В кругу товарищей,
с душой воспламененной,
Греми на арфе золотой!
Да снова стройный глас героям
в честь прольется,
И струны гордые посыплют огнь
в сердца,
И ратник молодой вскипит
и содрогнется
При звуках бранного певца.

«Я вас любил: любовь еще, быть может...»

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

К Ней

Эльвина, милый друг, приди,
подай мне руку,
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сон;
Скажи – увижу ли....
на долгую ль разлуку
Я роком осужден?

Ужели никогда на друга друг
не взглянет,
Иль вечной темнотой покрыты
дни мои?
Ужели никогда нас утро не застанет
В объятиях любви?

Эльвина, почему в часы
глубокой ночи
Я не могу тебя с весельем обнимать,
На милую стремить томленья
полны очи
И страстью трепетать?

И в радости немой,
в восторгах наслажденья
Твой шопот сладостный
и тихой стон внимать
И тихо в скромной тьме
для неги пробужденья
Близ милой засыпать?

Осеннее Утро

Поднялся шум; свирелью полевой
Оглашено мое уединенье,
И с милою любви моей мечтой
Последнее исчезло сновиденье.
С небес уже скатилась ночи тень,
Взошла заря, сияет бледный день —
А вкруг меня глухое запустенье…
Уж нет ее… я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный.
Уже нигде не встретил я прекрасной,
Я не нашел нигде ее следов.
Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя незабвенной;
Я звал ее – лишь глас уединенный
Пустых долин откликнулся вдали.
К ручью пришел,
мечтами привлеченный,
Его струи медлительно текли,
Не трепетал в них

образ несравненной.
Уж нет ее... до сладостной весны
Простился я с блаженством и с душою.
Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены,
Она шумит в дубравах опустелых,
Там день и ночь кружится
мертвый лист,
Стоит туман на нивах пожелтелых,
И слышится мгновенный ветра свист.
Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели минувших дней забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

«Любовь одна…»

Любовь одна —
веселье жизни хладной,
Любовь одна – мучение сердец:
Она дарит один лишь миг отрадный,
А горестям не виден и конец.
Стократ блажен,
кто в юности прелестной
Сей быстрый миг поймает на лету;
Кто к радостям и неге неизвестной
Стыдливую преклонит красоту!

Но кто любви не жертвовал собою?
Вы, чувствами свободные певцы!
Пред милыми смирялись вы душою,
Вы пели страсть – и гордою рукою
Красавицам несли свои венцы.
Слепой Амур, жестокий
и пристрастный,
Вам терния и мирты раздавал;
С пермесскими царицами согласный,

Иным из вас на радость указал;
Других навек печалями связал
И в дар послал огонь
любви несчастной.

Наследники Тибулла и Парни!
Вы знаете бесценной жизни сладость;
Как утра луч, сияют ваши дни.
Певцы любви! младую пойте радость,
Склонив уста к пылающим устам,
В объятиях любовниц умирайте;
Стихи любви тихонько воздыхайте!..
Завидовать уже не смею вам.

Певцы любви! вы ведали печали,
И ваши дни по терниям текли;
Вы свой конец
с волненьем призывали;
Пришел конец, и в жизненной дали
Не зрели вы минутную забаву;
Но, не нашед блаженства
ваших дней,
Вы встретили по крайней мере славу,

И мукою бессмертны вы своей!

Не тот удел судьбою мне назначен:
Под сумрачным навесом облаков,
В глуши долин,
в печальной тьме лесов,
Один, один брожу уныл и мрачен.
В вечерний час над озером седым
В тоске, слезах, нередко я стенаю;
Но ропот волн стенаниям моим
И шум дубрав в ответ лишь я внимаю.
Прервется ли души холодный сон,
Поэзии зажжется ль упоенье, —
Родится жар, и тихо стынет он:
Бесплодное проходит вдохновенье.
Пускай она прославится другим,
Один люблю, – он любит и любим!..
Люблю, люблю!..
но к ней уж не коснется
Страдальца глас; она не улыбнется
Его стихам небрежным и простым.
К чему мне петь? под кленом полевым
Оставил я пустынному зефиру

Уж навсегда покинутую лиру,
И слабый дар как легкий
скрылся дым.

Желание

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.
О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье —
Пускай умру, но пусть умру любя!

Друзьям

К чему, веселые друзья,
Мое тревожить вам молчанье?
Запев последнее прощанье,
Уж Муза смолкнула моя:
Напрасно лиру брал я в руки
Бряцать веселье на пирах
И на ослабленных струнах
Искал потерянные звуки…
Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И на любовь устремлены
Огнем исполненные очи;
Играйте, пойте, о друзья,
Утратьте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

Пробуждение

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокой
Во тьме глубокой
Я пробужден!..
Кругом постели
Немая ночь;
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.

Любовь, любовь!
Пусть упоенный,
Усну я вновь,
Обвороженный,
И поутру,
Вновь утомленный,
Пускай умру,
Непробужденный!..

К Каверину

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои гусарские грехи.
Прослыть апостолом Зенонова ученья,
Быть может, хорошо —
но ни тебе, ни мне.
Я знаю, что страстей волненья
И шалости, и заблужденья
Пристали наших дней
блистательной весне.
Пускай умно, хотя неосторожно,
Дурачиться мы станем иногда —
Пока без лишнего стыда
Дурачиться нам будет можно.
Всему пора, всему свой миг,
Все чередой идет определенной:
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.

Насытясь жизнию у юных дней в гостях,
Простимся навсегда
с Веселием шумливым,
С Венерой пылкою,
и с Вакхом прихотливым,
Вздохнем об них, как о друзьях,
И Старость удивим
поклоном молчаливым.
Теперь в беспечности живи,
Люби друзей,
храни об них воспоминанье,
Молись и Кому и Любви,
Минуту юности лови
И черни презирай ревнивое роптанье.
Она не ведает,
что можно дружно жить
С стихами, с картами,
с Платоном и с бокалом,
Что резвых шалостей
под легким покрывалом
И ум возвышенный

и сердце можно скрыть.

К Дельвигу

Блажен, кто с юных лет увидел
пред собою
Извивы темные двухолмной высоты,
Кто жизни в тайный путь
с невинною душою
Пустился пленником мечты!
Наперснику богов безвестны
бури злые,
Над ним их промысел,
безмолвною порой
Его баюкают Камены молодые
И с перстом на устах хранят
певца покой.
Стыдливой Грации внимает он советы
И, чувствуя в груди огонь еще младой,
Восторженный поет на лире золотой.
О Дельвиг! счастливы поэты!
Мой друг, и я певец!
и мой смиренный путь

В цветах украсила богиня песнопенья,
И мне в младую боги грудь
Влияли пламень вдохновенья.
В младенчестве моем
я чувствовать умел,
Все жизнью вкруг меня дышало,
Все резвый ум обворожало.
И первую черту я быстро пролетел.
С какою тихою красою
Минуты детства протекли;
Хвала, о боги! вам, вы мощною рукою
От ярых гроз мирских
невинность отвели.
Но все прошло —
и скрылись в темну даль
Свобода, радость, восхищенье;
Другим и юность наслажденье:
Она мне мрачная печаль!
Так рано зависти увидеть
зрак кровавый
И низкой клеветы во мгле сокрытый яд.

Нет, нет! ни счастием, ни славой
Не буду ослеплен. Пускай они манят
На край погибели
любимцев обольщенных.
Исчез священный жар!
Забвенью сладких песней дар
И голос струн одушевленных!
Во прах и лиру и венец!
Пускай не будут знать,
что некогда певец,
Враждою, завистью
на жертву обреченный,
Погиб на утре лет,
Как ранний на поляне цвет,
Косой безвременно сраженный.
И тихо проживу в безвестной тишине;
Потомство грозное
не вспомнит обо мне,
И гроб несчастного,
в пустыне мрачной, дикой,
Забвенья порастет
ползущей повиликой!

В альбом Пущину

Взглянув когда-нибудь
на тайный сей листок,
Исписанный когда-то мною,
На-время улети в лицейский уголок
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрые минуты
первых дней,
Неволю мирную,
шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества
и сладость примиренья…
Что было и не будет вновь…
И с тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой друг, она прошла…
но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз твой заключен;
Пред грозным временем,

пред грозными судьбами,
О милый, вечен он!

Кюхельбекеру

В последний раз, в тиши уединенья,
Моим стихам внимает наш Пенат!
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья!
Итак, они прошли —
лета соединенья; —
Итак, разорван он —
наш братский верный круг!
Прости!... хранимый тайным небом,
Не разлучайся, милый друг,
С фортуной, дружеством
и Фебом, —
Узнай любовь – неведомую мне —
Любовь надежд, восторгов, упоенья:
И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине!
Прости.... где б ни был я:
в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах

родимого ручья,
Святому братству верен я!
И пусть.... (услышит ли Судьба
мои молитвы?)
Пусть будут счастливы все,
все твои друзья!

В альбом

Пройдет любовь, умрут желанья;
Разлучит нас холодный свет;
Кто вспомнит тайные свиданья,
Мечты, восторги прежних лет?..
Позволь в листах воспоминанья
Оставить им минутный след.

Товарищам

Промчались годы заточенья
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И Царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всем послушный,

Счастливой лени верный сын,
Душой беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один…
Равны мне писари, уланы,
Равны Законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассесора:
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока ленивому возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

«Простите, верные дубравы!..»

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье.
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

К ***

Не спрашивай, за чем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
За чем на все подъемлю взор угрюмый,
За чем не мил мне сладкой жизни сон;

Не спрашивай, за чем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю милой —
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;

Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткой миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...

Выздоровление

Тебя ль я видел, милый друг?
Или неверное то было сновиденье,
Мечтанье смутное, и пламенный недуг
Обманом волновал мое воображенье?
В минуты мрачные болезни роковой
Ты ль, дева нежная, стояла надо мной
В одежде воина
с неловкостью приятной?
Так, видел я тебя;
мой тусклый взор узнал
Знакомые красы
под сей одеждой ратной:
И слабым шопотом подругу я назвал…
Но вновь в уме моем стеснились
мрачны грезы,
Я слабою рукой искал тебя во мгле…
И вдруг я чувствую твое дыханье,
слезы
И влажный поцелуй

на пламенном челе…
Бессмертные! с каким волненьем
Желанья, жизни огнь
по сердцу пробежал!
Я закипел, затрепетал…
И скрылась ты прелестным
привиденьем!
Жестокой друг!
меня томишь ты упоеньем:
Приди, меня мертвит любовь!
В молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница!
пускай увижу вновь
Под грозным кивером
твои небесны очи,
И плащ, и пояс боевой,
И бранной обувью украшенные ноги.
Не медли, поспешай,
прелестный воин мой,
Приди, я жду тебя.
Здоровья дар благой
Мне снова ниспослали боги,

А с ним и сладкие тревоги
Любви таинственной
и шалости младой.

Жуковскому

Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле,
И быстрый холод вдохновенья
Власы подъемлет на челе, —
Ты прав, творишь ты для немногих,
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным

В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел
Восторгом пламенным и ясным.

«Как сладостно!.. но, боги, как опасно...»

Как сладостно!.. но, боги, как опасно
Тебе внимать,
твой видеть милый взор!..
Забуду ли улыбку, взор прекрасный
И огненный, [волшебный] разговор!
Волшебница, зачем тебя я видел —
[Узнав тебя], блаженство я познал —
И счастие мое возненавидел.

Вольность

Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица? —
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру…
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор —

Везде бичи, везде желе́зы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные сле́зы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела – Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждáн над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;

Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

И го́ре, го́ре племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О, мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавных
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людови́к
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон – народ молчит,
Падет преступная секира…
И се – злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей

С жестокой радостию вижу.
Читают на твоем челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты Богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает,
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигуллы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит – в лентах и звездах,
Вином и злобой упоéнны
Идут убийцы потаéнны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной…
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!…
Падут бесславные удары…
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

К Чедаеву (к Чаадаеву)

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,

И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Деревня

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов
и вдохновенья,
Где льется дней моих
невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный
двор Цирцей,
Роскошные пиры, забавы,
заблужденья
На мирный шум дубров,
на тишину полей,
На праздность вольную,
подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми
скирдами,
Где светлые ручьи

в кустарниках шумят.
Везде передо мной
подвижные картины:
Здесь вижу двух озер
лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты;
Везде следы довольства и труда…

Я здесь, от суетных оков
освобожденный,
Учуся в Истине блаженство находить,
Свободною душой Закон боготворить,
Роптанью не внимать
толпы непросвещенной,
Участьем отвечать
застенчивой Мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца —
в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединенье величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь
душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде Невежества
убийственный Позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное Судьбой,
Здесь Барство дикое, без чувства,
без Закона,
Присвоило себе
насильственной лозой
И труд, и собственность,
и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг,

покорствуя бичам,
Здесь Рабство тощее влачится
по браздам
Неумолимого Владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба
все влекут,
Надежд и склонностей
в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут
собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел
сердца тревожить!
Почто в груди моей горит
бесплодный жар
И не дан мне судьбой Витийства
грозный дар?
Увижу ль, о друзья!

народ неугнетенный
И Рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством
Свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная Заря?

Лиле

Лила, Лила! я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смеешься надо мной.
Смейся, Лила: ты прекрасна
И бесчувственной красой.

Мадригал М….ой

О вы, которые любовью не горели,
Взгляните на нее – узнаете любовь.
О вы, которые уж сердцем охладели,
Взгляните на нее: полюбите вы вновь.

«Я видел Азии бесплодные пределы…»

Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальный край,
долины обгорелы,
Жилище дикое черкесских табунов,
Подкумка знойный брег,
пустынные вершины,
Обвитые венцом летучим облаков,
И закубанские равнины!

Ужасный край чудес!..
там жаркие ручьи
Кипят в утесах раскаленных,
Благословенные струи!
Надежда верная болезнью изнуренных.
Мой взор встречал
близ дивных берегов
Увядших юношей, отступников пиров,
На муки тайные Кипридой осужденных,
И юных ратников на ранних костылях,

И хилых стариков в печальных сединах.

К ***

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать,
И неизбежную разлуку
В унынье робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней.
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный, будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

«Мне вас не жаль, года весны моей...»

Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекшие в мечтах любви напрасной,
Мне вас не жаль, о таинства ночей,
Воспетые цевницей сладострастной,

Мне вас не жаль, неверные друзья,
Венки пиров и чаши круговые —
Мне вас не жаль, изменницы младые, —
Задумчивый, забав чуждаюсь я.

Но где же вы, минуты умиленья,
Младых надежд, сердечной тишины?
Где прежний жар и слезы вдохновенья?
Придите вновь, года моей весны!

«Погасло днéвное светило...»

Погасло днéвное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской
туда стремлюся я,
Воспоминаньем упоенный...
И чувствую:
в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет
безумную любовь,
И все, чем я страдал,
и все, что сердцу мило,
Желаний и надежд
томительный обман...

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня
к пределам дальным
По грозной прихоти
обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне
тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне
изменила радость
И сердце хладное
страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные дру-

зья;
И вы, наперсницы
порочных заблуждений,
Которым без любви
я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной,
изменницы младые,
Подруги тайные моей весны златыя,
И вы забыты мной…
Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви,
ничто не излечило…
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан…

«Редеет облаков летучая гряда...»

Редеет облаков летучая гряда.
Звезда печальная, вечерняя звезда!
Твой луч осеребрил
увядшие равнины,
И дремлющий залив,
и черных скал вершины.
Люблю твой слабый свет
в небесной вышине;
Он думы разбудил, уснувшие во мне:
Я помню твой восход,
знакомое светило,
Над мирною страной,
где все для сердца мило,
Где стройны тополы
в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт
и темный кипарис,
И сладостно шумят
полуденные волны.

Там некогда в горах,
сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

Муза

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу
мне вручила.
Она внимала мне с улыбкой —
и слегка,
По звонким скважинам
пустого тростника,
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов.
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам
девы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен
божественным дыханьем

И сердце наполнял
святым очарованьем.

Катенину

Кто мне пришлет ее портрет,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантов обожатель страстный,
Я прежде был ее поэт.
С досады, может быть, неправой,
Когда одна в дыму кадил
Красавица блистала славой,
Я свистом гимны заглушил.
Погибни злобы миг единый,
Погибни лиры ложный звук:
Она виновна, милый друг,
Пред Селименой и Моиной.
Так легкомысленной душой,
О боги! смертный вас поносит;
Но вскоре трепетной рукой
Вам жертвы новые приносит.

«Кто видел край, где роскошью природы...»

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят и блещут воды
И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?
Скажите мне: кто видел
край прелестный,
Где я любил, изгнанник неизвестный?

Златой предел!
любимый край Эльвины,
К тебе летят желания мои!
Я помню скал
прибрежные стремнины,
Я помню вод веселые струи,
И тень, и шум, и красные долины,
Где в тишине простых татар семьи
Среди забот и с дружбою взаимной

Под кровлею живут гостеприимной.
Все живо там, все там очей отрада,
Сады татар, селенья, города;
Отражена волнами скал громада,
В морской дали теряются суда,
Янтарь висит на лозах винограда;
В лугах шумят бродящие стада…
И зрит пловец – могила Митридата
Озарена сиянием заката.

И там, где мирт шумит
над падшей урной,
Увижу ль вновь сквозь темные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса?
Утихнет ли волненье жизни бурной?
Минувших лет воскреснет ли краса?
Приду ли вновь под сладостные тени
Душой уснуть на лоне мирной лени?

Вот муза, резвая болтунья

Вот Муза, резвая болтунья,
Которую ты столь любил.
Раскаялась моя шалунья,
Придворный тон ее пленил;
Ее всевышний осенил
Своей небесной благодатью —
Она духовному занятью
Опасной жертвуя игрой.
Не удивляйся, милый мой,
Ее израильскому платью —
Прости ей прежние грехи
И под заветною печатью
Прими опасные стихи.

«В твою светлицу, друг мой нежный...»

В твою светлицу, друг мой нежный,
Я прихожу в последний раз.
Любви счастливой, безмятежной
Делю с тобой последний час.
Вперед одна в надежде томной
Не жди меня средь ночи темной,
До первых утренних лучей
Не жги свечей.

Песнь о вещем Олеге

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам,
Их селы и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей,
в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях
проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник,
любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость

соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду,
не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий
на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава – отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.
И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела,

и лукавый кинжал
Щадят победителя годы…
Под грозной броней ты
не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит
под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего…
Но примешь ты смерть
от коня своего».

Олег усмехнулся – однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчаньи, рукой опершись
на седло,
С коня он слезает, угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ,

мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся – да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещий Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана…
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они…

«А где мой товарищ? —
промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый?

Здоров ли? все так же ль легок
его бег?
Все тот же ль он бурный,
игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным
он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый,
безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.
Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят – на холме, у брега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил

И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия,
Шипя, между тем выползала;
Как черная лента,
вкруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно
ужаленный князь.
Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

«Люблю ваш сумрак неизвестный...»

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
И вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной
И невидимо навещают
Места, где было все милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертие вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей...

Но, может быть, мечты пустые —
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,

И чужд мне будет мир земной;
Быть может, там, где все блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я…

«На тихих берегах Москвы…»

На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.
Кругом простерлись по холмам
Вовек не рубленные рощи,
Издавна почивают там
Угодника святые мощи.

Иностранке

На языке тебе невнятном
Стихи прощальные пишу,
Но в заблуждении приятном
Вниманья твоего прошу:
Мой друг, доколе не увяну,
В разлуке чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой друг, одну тебя.
На чуждые черты взирая,
Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему,
Его страстей не понимая.

Узник

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай, улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
*Туда, где гуляем лишь ветер… да я!…»

Царское село

Хранитель милых чувств
и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно
знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил,
где чувство развивалось,
Где с первой юностью
младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой
и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой.
Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей
свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов,
И дряхлый пук дерев,

и светлую долину,
И злачных берегов знакомую картину,
И в тихом озере,
средь блещущих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.

Другой пускай поет героев и войну,
Я скромно возлюбил живую тишину,
И, чуждый призраку
блистательному славы,
Вам, Царского Села
прекрасные дубравы,
Отныне посвятил безвестный музы друг
И песни мирные и сладостный досуг.

Ночь

Мой голос для тебя и ласковый
и томный
Тревожит поздное молчанье
ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут,
полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают
предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг… люблю…
твоя… твоя!..

«Простишь ли мне ревнивые мечты...»

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный,
то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда,
в толпе их страстной
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда...
друг жестокий!
Хочу ль бежать, —
с боязнью и мольбой

Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор, —
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.

«Все кончено: меж нами связи нет…»

Все кончено: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Все кончено – я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может, позабуду —
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

К морю

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум,
твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,

Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтической побег!

Ты ждал, ты звал… я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я…

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы…
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел… Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

Виноград

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

Фонтану Бахчисарайского дворца

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росою хладной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль…

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальной;
Но о Марии ты молчал…

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал

Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

Сожженное письмо

Прощай, письмо любви!
прощай: она велела.
Как долго медлил я!
как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал.
Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы
твои приемлет…
Минуту!.. вспыхнули!
пылают – легкий дым
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного
утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипит…
О провиденье!
Свершилось!
Темные свернулися листы;

На легком пепле их заветные черты
Белеют… Грудь моя стеснилась.
Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной
на горестной груди…

«Храни меня, мой талисман...»

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи, —
Храни меня, мой талисман.

В уединеньи чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.

Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

«Если жизнь тебя обманет…»

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Дружба

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.

«Под небом голубым страны…»

Под небом голубым страны
своей родной
Она томилась, увядала…
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал
смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы!
в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти

невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

Признание

Я вас люблю, – хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, – я зеваю;
При вас мне грустно, – я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь, – мне отрада;
Вы отвернетесь, – мне тоска;
За день мучения – награда

Мне ваша бледная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиленье, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетеся вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои

Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Няне

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь;
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе.....

«Как счастлив я, когда могу покинуть…»

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубровы,
На берега сих молчаливых вод.

О, скоро ли она со дна речного
Подымется, как рыбка золотая?

Как сладостно явление ее
Из тихих волн, при свете ночи лунной!
Опутана зелеными власами,
Она сидит на берегу крутом.
У стройных ног,
как пена белых, волны
Ласкаются, сливаясь <и> журча.
Ее глаза то меркнут, то блистают,
Как на небе мерцающие звезды;
Дыханья нет из уст ее, но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья.

Томительно и сладко – в летний зной
Холодный мед не столько
сладок жажде.
Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается, тогда
Мгновенный хлад, как ужас,
пробегает
Мне голову, и сердце громко бьется,
Томительно любовью замирая.
И в этот миг я рад оставить жизнь,
Хочу стонать и пить ее лобзанье —
А речь ее.... Какие звуки могут
Сравниться с ней —
младенца первый лепет,
Журчанье вод,
иль майской шум небес,
Иль звонкие Бояна Славья гусли.

И. И. Пущину

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое Провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Зимняя дорога

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска…

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег… Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне…

Скучно, грустно… завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,

Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

«Во глубине сибирских руд…»

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

«Есть роза дивная: она…»

Есть роза дивная: она
Пред изумленною Киферой
Цветет, румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киферу и Пафос
Мертвит дыхание мороза,
Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза…

«Весна, весна, пора любви…»

Весна, весна, пора любви,
Как тяжко мне твое явленье,
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови…
Как чуждо сердцу наслажденье…
Все, что ликует и блестит,
[Наводит] скуку и томленье.

Отдайте мне метель и вьюгу
И зимний долгой мрак ночей.

Поэт

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах су́етного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь Божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не кло́нит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,

В широкошумные дубровы…

19 октября 1827

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

Талисман

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,

И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман…

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцалуют не любя —
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

Ты и вы

Пустое вы сердечным ты
Она, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!

«26 мая 1828...»

26 мая 1828

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Ее глаза

Она мила – скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза,
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет – ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

«Не пой, красавица, при мне...»

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь – и при луне
Черты далекой, бедной девы.

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь – и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Предчувствие

Снова тучи надо мною
Собрались в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,

Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

Анчар[1]

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь, уже тлетворный.

---

[1] Примечания: 1
Древо яда. — *Прим. Пушкина.*

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листами,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес – и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

Цветок

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

2 ноября

Зима. Что делать нам в деревне?
Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль?
утихла ли метель?
Пороша есть иль нет?
и можно ли постель
Покинуть для седла,
иль лучше до обеда
Возиться с старыми
журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю
при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед
за нами;
Глядим на бледный снег
прилежными глазами,
Кружимся, рыскаем

и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив,
являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер:
вьюга воет;
Свеча темно горит;
стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу;
глаза над буквами скользят,
А мысли далеко… Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет…
Теряю все права
Над рифмой,
над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный
и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах,

о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами
проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет
в уединенье!
Но если под вечер
в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка,
две девицы
(Две белокурые,
две стройные сестрицы), —
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой,
становится полна!
Сначала
косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько,
потом и разговоры,

А там и дружный смех,
и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шепот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице
замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь,
и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны
русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа
в пыли снегов!

Зимнее утро

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь,
друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче… погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,

И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

«Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...»

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать,
надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж,
туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов
под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов.
Поедем... но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли
страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную,

любовь я принесу?

«Когда в объятия мои…»

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкой,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участья и вниманья
Уныло слушаешь меня…
Кляну коварные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.
Кляну речей любовный шепот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковерных дев,

И слезы их, и поздний ропот.

Поэту

Поэт! не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал
пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца
и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд,
спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один.
Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград
за подвиг благородный.

Они в самом тебе.
Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь
ты свой труд.
Ты им доволен ли,

взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа
его бранит
И плю́ет на алтарь,
где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет
твой треножник.

Прощание

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

«Чем чаще празднует лицей…»

Чем чаще празднует лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш
И наши песни тем грустнее.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
И смерти дух средь нас ходил
И назначал свои закланья.

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,

Они разбросанные спят —
Кто здесь, ыкто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,
Надеждой некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять

И новых жертв уж не страшиться.

Красавица

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сияньи исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье, —
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговея богомольно
Перед святыней красоты.

К ***

Нет, нет, не должен я,
не смею, не могу
Волнениям любви
безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать
и забываться;
Нет, полно мне любить;
но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдет и скроется?..
Ужель не можно мне,
Любуясь девою
в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость
и на счастье,

И сердцем ей желать все блага
жизни сей,
Веселый мир души,
беспечные досуги,
Все – даже счастие того,
кто избран ей,
Кто милой деве даст
название супруги.

«В поле чистом серебрится…»

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
Светит месяц, тройка мчится
По дороге столбовой.

Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ночной
Сладки мне родные звуки,
Звуки песни удалой.

Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.
Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальний вой.

Пой: «Лучинушка, лучина,
Что же не светло горишь?»

«Когда б не смутное влеченье…»

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б – наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И все бы слушал этот лепет,
Все б эти ножки целовал…

Туча

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

«...Вновь я посетил...»

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор —
и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я – но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет – уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим – и глядел

На озеро, воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно, синея, стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни – там за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при ветре...
На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят – одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, —
здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они все те же,

Все тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вкруг него
По-прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

«Я думал, сердце позабыло…»

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковерные мечты…
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

«Exegi monumentum...»

Exegi monumentum[2]

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру —
душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь
в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет
по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн,

---

[2] Примечания: 2
Я воздвиг памятник (*лат.*).

и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые
я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век
восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о муза,
будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

«Была пора: наш праздник молодой...»

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется.
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем лицея день заветный.

Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром – нет! —
промчалась четверть века!
Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вкруг человека, —
Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метался смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл
чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж
царственных гостей, —

Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук
с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас… и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа
к нам примчался.
Какой восторг тогда [пред ним]
раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните – как оживились вдруг

Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его – и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,
И на скале изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
[И над землей] сошлися новы тучи,
И ураган их.

«О нет, мне жизнь не надоела...»

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу,
Душа не вовсе охладела,
Утратя молодость свою.
Еще хранятся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милых снов воображенья,
Для чувств всего.

«Там на брегу…»

Там на брегу,
где дремлет лес священный,
Твое я имя повторял;
Там часто я бродил уединенный
И в даль глядел…
и милой встречи ждал.

«О сколько нам открытий чудных…»

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт, [сын] ошибок трудных,
И Гений, [парадоксов] друг,
[И Случай, бог изобретатель]

«Воды глубокие…»

Воды глубокие
Плавно текут.
Люди премудрые
Тихо живут.

«Унылая пора! Очей очарованье!..»

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум
и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч,
и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

«Ох, лето красное! любил бы я тебя...»

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль,
да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем
от засухи;
Лишь как бы напоить
да освежить себя —
Иной в нас мысли нет,
и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым
и льдом.

Мое завещание друзьям

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихий берег вод забвенья,
Веселой тенью отлететь...
Прости навек, очарованье,
Отрада жизни и любви!
Приближьтесь, о друзья мои,
Благоговенье и вниманье!
Певец решился умереть.
Итак, с вечернею луною,
В саду нельзя ли дерн одеть
Узорной белой пеленою?
На темный берег сонных вод,
Где мы вели беседы наши,
Нельзя ль, устроя длинный ход,
Нести наполненные чаши?
Зовите на последний пир
Спесивой Семелеи сына,
Эрота, друга наших лир,

Богов и смертных властелина.
Пускай веселье прибежит,
Махая резвою гремушкой,
И нас от сердца рассмешит
За полной пенистою кружкой.
Пускай игривого толпой
Слетят родные наши музы;
Им первый кубок круговой,
Друзья! священны нам их узы;
До ранней утренней звезды,
До тихого лучей рассвета
Не выйдут из руки поэта
Фиалы братской череды;
В последний раз мою цевницу,
Мечтаний сладостных певицу,
Прижму к восторженной груди.
В последний раз, томимый нежно,
Не вспомню вечность и друзей;
В последний раз на груди снежной
Упьюсь отрадой юных дней!
Когда ж восток озолотится
Во тьме денницей молодой,

И белый тополь озарится,
Покрытый утренней росой,
Подайте грозд Анакреона,
Он был учителем моим,
И я сойду путем одним
На грустный берег Ахерона.
Простите, милые друзья,
Подайте руку, до свиданья!
И дайте, дайте обещанье,
Когда навек укроюсь я,
Мое исполнить завещанье.
Приди, певец мой дорогой,
Воспевший Вакха и Темиру
Тебе дарю я лень и лиру,
Да будут музы над тобой!..
Ты не забудешь дружбы нашей,
О Пущин, ветреный мудрец!
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец!
Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью

На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, ей!..
На тихий праздник погребенья
Я вас обязан пригласить;
Веселость, друг уединенья,
Билеты будет разносить…
Стекитесь резвою толпою,
Главы в венках, рука с рукою,
И пусть на гробе, где певец
Исчезнет в рощах Геликона,
Напишет беглый ваш резец:
«Здесь дремлет юноша-мудрец,
Питомец нег и Аполлона».

Отрывки из «Евгения Онегина»

Письмо Татьяны к Онегину

Я к вам пишу – чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Все думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.

Но, говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне все вам скучно,
А мы... ничем мы не блестим,
Хоть вам и рады простодушно.

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...

Ты в сновиденьях мне являлся
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искуситель:
Мои сомненья разреши.

Быть может, это все пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором!

Кончаю! Страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

Письмо Онегина к Татьяне

Предвижу все: вас оскорбит

Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!
Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!

Случайно вас когда-то встретя,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.
Еще одно нас разлучило…
Несчастной жертвой Ленский пал…
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал;
Чужой для всех, ничем не связан,
Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан.

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!

И я лишен того: для вас
Тащусь повсюду наудачу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напрасной скуке трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И так уж тягостны они.
Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...
Боюсь: в мольбе моей смиренной
Увидит ваш суровый взор
Затеи хитрости презренной —
И слышу гневный ваш укор.

Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать – и разумом всечасно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас колени
И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, пени,
Все, все, что выразить бы мог,
А между тем притворным хладом
Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас веселым взглядом!..

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Все решено: я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе.

Глава 4. VII

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.

Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времян:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблуков
И величавых париков.

Глава 5. II

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,

Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно…